

Сергей ГРИНБЕРГ
БЛАЖЕННОЕ,
БЕССМЫСЛЕННОЕ СЛОВО...

Мандельштам в творчестве Руслана Сидорова

Новокузнецк
2018

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Сергей ГРИНБЕРГ
БЛАЖЕННОЕ,
БЕССМЫСЛЕННОЕ СЛОВО...

Мандельштам в творчестве Руслана Сидорова

*К 50-летию нашего друга
поэта Руслана Сидорова*

Новокузнецк
2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Г 85

ГРИНБЕРГ Сергей Исаакович

Блаженное, бессмысленное слово... : Мандельштам в творчестве Руслана Сидорова / Сергей Гринберг ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Compani», 2018. – 58 с.

12+

Считаю своей приятной обязанностью поблагодарить тех, кто оказал неоценимую помощь в создании книги:

К. Р. Сидорову, предоставившую возможность ознакомиться с черновиками Руслана Сидорова;

С. В. Загнухина, сделавшего общедоступными видеозаписи поэтических вечеров с участием Руслана;

Н. Г. Кретову – за постоянное внимание, заинтересованность и информацию по творчеству и жизни Руслана Сидорова.

С. Гринберг

Сидоров Руслан Геннадьевич

(30 ноября 1968 – 7 июня 2013)

Предисловие

Осип Мандельштам был одним из любимых поэтов Руслана Сидорова. На вершине поэтического Олимпа у него, конечно, стоял Иосиф Бродский, кумир и учитель. Кроме него, была довольно большая группа поэтов, стихи которых Руслан хорошо знал и ценил. Среди них – Мандельштам, которого Руслан нередко вспоминал и читал в клубе любителей поэзии «Дилижанс». Много лет назад, 9 января 2001 года, Руслан провёл в «Дилижансе» вечер поэзии Осипа Мандельштама, где назвал его Иосифом Третьим:

– Сейчас, говоря о Мандельштаме, я бы назвал его Иосифом Третьим, поскольку для меня фактически есть три Иосифа. Это Иосиф Библейский, Иосиф Второй – это Бродский, Иосиф Третий – это Мандельштам. (Исправлена незначительная оговорка Р. Сидорова – СГ).

Эпиграфом к тому давнему вечеру Руслан взял (или хотел взять) строчку из стихотворения О. Мандельштама «В Петербурге мы сойдёмся снова...»:

– Когда мы только собирались сделать этот вечер, с Надеждой Георгиевной говорили о какой-то строке Мандельштама, которая могла послужить эпиграфом, первое, что мне пришло в голову, – это «Блаженное, бессмысленное слово...» Вот так у Мандельштама (это цитата из него) ... эти два эпитета – «Блаженное, бессмысленное слово...» – приобретают какое-то особое значение. Я не знаю, почему. Если вы почитаете его от корки до корки, вы тоже не узнаете, почему. Но, может быть, вы почувствуете, что именно вот это приятно, то, что у него это есть: «Блаженное, бессмысленно слово...»

Эта строка из стихотворения «В Петербурге мы сойдёмся снова...», «пришедшая в голову» Руслану, вынесена в название. Она будет первым примером присутствия Мандельштама в поэтической жизни Руслана Сидорова.

9 января
^{2001г}
вторник

17.30

творчество
МАНДЕЛЬШТАМА

К 110 - летию со дня рождения.

Ведущий – поэт Руслан Сидоров.

Афиша вечера в клубе «Дилижанс». 9 января 2001 г.

* * *

О своём знакомстве с творчеством Мандельштама Руслан рассказывал на поэтических вечерах:

– ... Я хочу рассказать, как я с Мандельштамом познакомился... Это было 14 лет назад, а именно – 1987 год. ... Евгений Евтушенко, я не поклонник его, но ему низкий поклон за то, что он открыл рубрику, которая называлась – кто помнит, поправьте меня – то ли «Забывшие поэты», то ли «Репрессированные поэты» – как-то вот так называлась. И вот на этом белом листе ... коричневым фоном покрыт нижний угол и написано: «Осип Эмильевич Мандельштам»... Даты рождения и смерти: «1891-1938». «Репрессирован». Для меня, тогдашнего пацана, я ещё раз напоминаю – 1987 год, слово «репрессирован» было совершенно непонятным.

– Мандельштам... Это счастливая случайность. Я... захожу в магазин, и – стоит четырёхтомник Мандельштама. Я знал, что был такой поэт. И как раз у меня по деньгам чётко... Я купил его, принёс домой, сел, начал читать – и всё! Долго-долго. Меня как молотком по голове ударили, я ходил под впечатлением Мандельштама. Вот то, что говорили о непонятных стихах, – можно непонятно писать о понятном... То есть, если переводить какие-то стихи Мандельштама на язык прозы, то там ничего не будет. А вот, как стихи, они – вот они! Они – всё, цельны и ясны.

Руслан говорил здесь о репринтном воспроизведении издания 1967 года под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова (три тома плюс четвёртый дополнительный). Именно его он приобрёл и читал долгие годы. Эти чёрные томики и сейчас стоят в книжном шкафу Руслана.

– ...чем хорошо это издание? В нём нет никаких литературоведческих комментариев. Зато в нём есть воспоминания современников, относящиеся к тому, либо иному событию: когда они его услышали, при каких обстоятельствах оно было написано. Это само по себе интересно.

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ТРЕХ ТОМАХ

Под редакцией Проф. Г. П. Струве и Б. А. Филлипова,

ТОМ ПЕРВЫЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительные статьи проф. Кларенса Брауна,
проф. Г. П. Струве и Э. М. Райса.

Издание второе, дополненное и пересмотренное.

Международное Литературное Содружество.

1967.

Собрание сочинений О.Э. Мандельштама

Своё отношение к творчеству Осипа Мандельштама Руслан обозначил, прочитав фрагмент из стихотворения Б. Чичибабина:

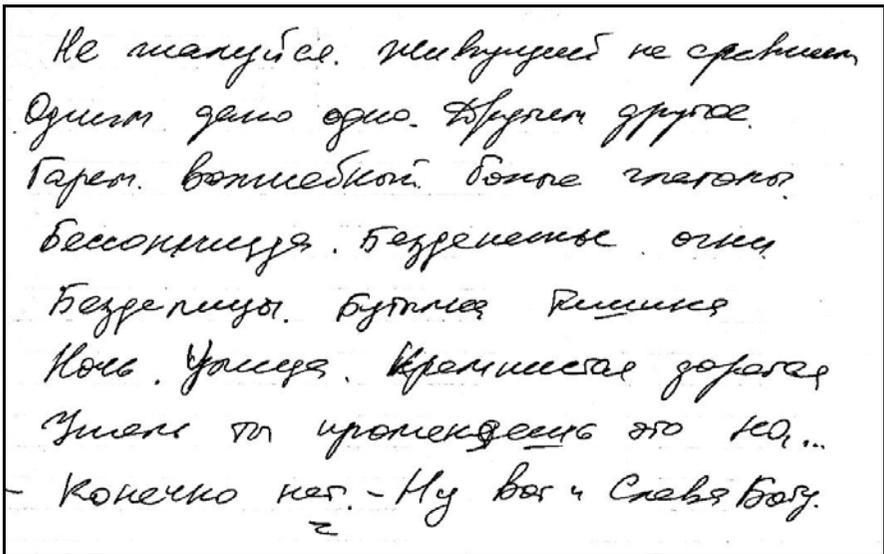
*... Из всей древесности каштан
достоин тысячи поклонов,
а из прозаиков – Платонов,
а из поэтов – Мандельштам...*

* * *

Когда-то у Руслана была задумка – сделать для себя список из ста любимых стихов. Он даже начал его составлять и в одной из записных книжек вчерне набросал около пятидесяти стихотворений, то есть половину задуманного списка. В него вошло и стихотворение Осипа Мандельштама «Ещё мне далеко до патриарха». О том, что оно было значимым для Руслана, говорит тот факт, что Руслан читал его на вечере 2001 года, а после прочтения прокомментировал:

– Вот это стихотворение – одно из немногих, где Мандельштам говорит от первого лица. Он ещё редко позволяет себе такое. Но тем более, тем более это стихотворение знаменательно. Тем более оно поражает своей пронзительностью, какой-то обнажённой искренностью.

В творчестве Руслана Сидорова нередко встречаются мотивы Осипа Мандельштама. Часто это бывают строчки и образы из его стихов.

Не шалуйся. Мавкушев не сретит.
Одним дано одно. Другим другое.
Гарет. Вотшебкой. Боже чего-то.
Бессонница. Безречные огни.
Бездельцы. Бутылка Риниса
Коса. Ушица. Кремлевская дорога
Чужие по промежуткам это ко...
– Конечно нет. – Ну вот и Свевь Бог.

Автограф Р. Сидорова

*Не жалуйся. Живущий несравним.
Одним дано одно. Другим – другое.
Гарем волшебный. Голые глаголы.
Бессонница. Безденежье. Огни.*

*Безделицы. Бутылка. Тишина.
Ночь. Улица. Кремнистая дорога.
Ужель ты променяешь это на...
– Конечно, нет. – Ну вот и слава Богу.*

Это написано Русланом в середине 2000-х годов. Первая строчка, похоже, с небольшим изменением заимствована из стихотворения О. Мандельштама воронежского периода:

*Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин
И неба круг мне был недугом...*

Отметим, что в стихотворении Р. Сидорова есть строчки, напоминающие нам об А. Блоке («Ночь. Улица.») и о М. Лермонтове («Кремнистая дорога.»). Такие отзвуки чужого слова постоянно присутствуют в стихах Руслана. Кстати, всё творчество О.Э. Мандельштама также наполнено образами мировой культуры.

Интересно, что та же строка Мандельштама послужила Руслану импульсом для написания ещё одного стихотворения:

*Не сравнивай. Любимый несравним.
Когда ты любишь, ты всего лишь любишь.
Кого же больше: Бога или Люду?
Конечно, Люду. Я ж не херувим.*

*– А Страшный Суд? – А жизнь? Не страшен суд,
А страшно то, как нам его малюют.
Я осуждён жить человеком. Люди ж
По жизни наказание несут.*

Начало известного стихотворения О.Э. Мандельштама «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз...» легко угадывается в одном из ранних стихов Руслана, где говорится о возвращении в родной город из тайги:

*Я вернулся в мой город из чёрной тайги,
Из колючих объятий бабы-яги.
Где за сопку цепляются облака
И мошка заползает в рукав...*

Это заимствование Руслан сам подтвердил на авторском вечере 12 января 1999 года, прочитав это стихотворение и отвечая на комментарии Н.Н. Гончаровой.

Н. Гончарова:

– *А вот Мандельштам:*

*«Я вернулся в мой город из чёрной тайги,
Из колючих объятий бабы-яги...».*

Р. Сидоров:

– *«Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз...».*

Это я писал сознательно.

Н. Гончарова:

– *Я поняла, что это такая сознательная переключка на уровне совпадения ритма – прямо вот выдерживается на протяжении всего стихотворения.*

Поэтическую наблюдательность Руслана Сидорова отмечают все, кто его знал. Он подмечал точные слова и фразы, фрагменты, необычные метафоры, удачные образы в стихах разных поэтов. Нередко эти находки в качестве поэтических строчек, эпиграфов, заголовков органично входили в его собственные стихи, а порой служили импульсом к написанию стихотворения. Об этом сам Руслан говорил в телепередаче «9 муз» в 2002 году:

– Я, когда сажусь читать, неважно, что я читаю: стихи, прозу, Хайдеггера, Бахтина – неважно, что – я знаю уже из опыта: вдруг попадаете какое-то неожиданное словосочетание. Оно неожиданное и прекрасно... Оно просто требует его записать, от него как-то оттолкнуться, и неважно, о чём там будет дальше... Ницше говорил, что не любит людей, которые зажигаются о чужие книги, как спички о коробок. А я только так, я именно от книг.

Вспомним строфу из стихотворения Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...»:

*... Чужа грядущие казни, от рёва событий мятежных
Я убежал к nereидам на Чёрное море.
И от красавиц тогдашних – от тех европейнок
нежных –
Сколько я принял смущенья, насады и горя...*

Здесь читательское сознание сразу выхватывает необычное, очень «мандельштамовское» – «европейнок нежных». Так Осип Эмильевич назвал своих собеседниц – коктебельских дам, с которыми он общался и которым посвящал стихи. Наверное, и Руслан когда-то «выхватил» этот образ и вставил в своё шуточное стихотворение:

Песенка спившегося учителя пения

*Уехать бы в края,
Куда зимует лето,
И с морем на паях
Петь и писать куплеты.*

*Уехать бы в края
Без морока морозов,
Где чёрным муравьям
Не бьют челом стрекозы,
В перекасти-поля, –
(обрывистость, безбрежность),
Где полон светлый пляж
Европеянок нежных...*

Строчка из стихотворения, написанного Мандельштамом на смерть Андрея Белого, тоже, видимо, привлекла внимание Руслана:

*Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...
О Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна...*

Эти «две-три случайных фразы» угадываются в наброске, похожем на начало задуманного, но не написанного стихотворения, в тетради Руслана, помеченной «Апрель 2013».

*Я думаю две-три первоначальных мысли
О жизни, о любви, о смерти каждый день,
Летит ли лёгкий снег, слепит ли слепок выси,
Осенним ли дождём идёт вода к воде.*

(Дальше мы увидим, что стихи Мандельштама на смерть Андрея Белого в 1934 году были прочитаны Русланом самым пристальным образом).

Это далеко не последнее обращение Р. Сидорова к стихам Мандельштама. В той же тетради есть любопытный черновой набросок:

*Качает (зачёркнуто). Весенний ветер,
тоненькие ветки,
Осыпанные прошлогодним клёном.
Пришла пора проклюнуться зелёным,
Пришла пора проснуться всем влюблённым.*

*Разве я знаю, отчего я плачу.
Я только петь и умирать умею.
Прости меня. Я не могу иначе.
И не зову. Не плачу. Сожалею.*

Сравним это с ранним стихотворением Осипа Мандельштама:

*Качает ветер тоненькие прутья,
И крепнет голос проволоки медной,
И пятна снега – яркие лоскутья –
Всё, что осталось от тетради бедной...*

*О небо, небо, ты мне будешь сниться,
Не может быть, чтоб ты совсем ослепло,
И день сгорел, как белая страница:
Немного дыма и немного пепла!*

*Жемчужный почерк оказался ложью,
И кружева не нужен смысл узорный
И только медь – непобедимой дрожью –
Пространство режет, низлет бисер чёрный.*

*Разве я знаю, отчего я плачу –
Я только петь и умирать умею.
Не мучь меня: я ничего не значу
И чёрный хаос в чёрных снах лелею.*

Не правда ли, обнаруживается удивительное сходство руслановского наброска с первой и последней строфами, вплоть до словарного?

По каким-то причинам О. Мандельштам не печатал своё замечательное стихотворение полностью. При его жизни печаталась лишь вторая строфа («О небо, небо, ты мне будешь сниться...»), которая и известна большинству читателей. Именно её Руслан прочитал на вечере 2001 года, говоря о первом сборнике О. Мандельштама «Камень».

А сходство приведённого наброска Руслана с мандельштамовским стихотворением, может быть, объясняется

тем, что Руслан, не помня всего стихотворения наизусть, пытался воспроизвести его, придумывая строчки взамен забытых. Возможны, впрочем, и другие объяснения.

* * *

В стихотворении Р. Сидорова «Дождь над палаткой. День...», написанном в 2005 году на Алтае и вошедшем в сборник «Поэзия – бессонница души. Алтайская тетрадь», появляется труднообъяснимый образ зашитого тмина:

*... Сколько я перечитал,
Столько же пережил.
Так закалялась сталь.
Так и тмин был зашит...*

Очень вероятно, что это своеобразная поэтическая переключка со стихотворением О. Мандельштама «Я не знаю, с каких пор...» 1922 года:

*Я не знаю, с каких пор
Эта песенка началась, –
Не по ней ли шуршит вор,
Комариный звенит князь?

Я хотел бы ни о чём
Ещё раз поговорить,
Прошуршать спичкой, плечом
Растолкать ночь, разбудить;

Раскидать бы за стогом стог,
Шапку воздуха, что томит;
Распороть, разорвать мешок,
В котором тмин зашит.

Чтобы розовой крови связь,
Этих сухоньких трав звон,
Уворованная нашлась
Через век, сеновал, сон.*

Этот же образ зашитого в мешке тмина появляется ещё в одном стихотворении Р. Сидорова, написанном тогда же на Алтае, но не вошедшем в сборник:

*Любимые вещи: коньяк в графине,
Огонь в камине, хороший чай,
Мешочек с тмином, близость la fin 'a
При свечке имени Ильича.*

*Любимое дело: просто сиденье,
Дза-дзен за книгой, табак дымит,
Чаёк курится, строка струится...
До срока трубных вдыхаешь тмин.*

*Любимые люди: о них не будем.
Одни ушли, и за тех слова –
Дорога к Слову путём Иова,
Где отдохновение – тосковать.*

*Дорога к слову; всегда готовы –
Кто пионером, готов на всё,
Сегодня землю, как есть, приемлем,
Как сумму завтра, где не спасён.*

В одном из ранних стихотворений Р. Сидорова встречается интересный образ беременного неба:

*Время – вечер. Время – деньги.
Ветер в месяца рожок
Дунул. Сяду на ступеньку.
Приходи ко мне, дружок.*

*Сядем рядом. Дунем дури.
Да посмотрим синема
Звёзд. Иль о макулатуре
Поболтаем без ума.*

*Будет вечер пахнуть хлебом,
За рекою кони ржать.
А беременное небо
Будет новых звёзд рожать.*

*Ночь к босым ногам рассыпет
Рос алмазы там и сям.
Хорошо вдвоём. Босые.
Ты босая. Я босяк.

Я босяк. А ты Даная.
Утро брезжит голубо.
Хорошо, что между нами
Нет ни слова про любо...
2000 г.*

Не будет большой натяжкой предположить, что этот образ также заимствован у О. Мандельштама, на этот раз из его стихотворения 1923 года «Опять войны разноголосица...»:

*... Итак, готовьтесь жить во времени,
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно –
Пшеницей сытого эфира...*

*... На круговом на мирном судьбище
Зарею кровь оледенится.
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница...*

*... А ты, глубокое и сытое,
Забременевшее лазурью,
Как чешуя многоочитое,
И альфа и омега бури...*

Стихотворение «Ну значит, так: шинкуем лук, морковь...» у почитателей Руслана Сидорова является, пожалуй, самым известным и любимым из стихов на «кулинарно-гастрономическую» тему (каких у Руслана, к слову сказать, немало). Герой стихотворения, в котором без труда угадывается автор, готовит роскошный деревенский обед в садике перед домом и при этом без умолку разговаривает с воображаемым собеседником (будущим сотрапезником), посвящая того в кулинарные тонкости:

... а мы –
айда копать картошку молодую...
...Ты, если клубень ростом не с яйцо,
разрежь напополам, не надо мельче.
Что? Чистить? Кто ж её такую,
такую девочку, нежнянку – да ты что?
Не надо чистить – вымыл и бросай...

Подмечено совершенно точно: молодую, только что выкопанную картошку обычно не чистят, потому что кожица у неё тонкая и нежная. Интересно то, с какой любовью Руслан говорит о молодой картошке, называя её «нежнянкой». А ведь это ласковое название тоже пришло от Мандельштама. Только на этот раз не из стихов, а из писем его к жене Надежде Яковлевне:

...*Нежняночка! Я ещё не имел от тебя писем...* (11 ноября 1925 г.)

...*я хочу сказать, что ты нежняночка — милая моя в худых туфельках...* (29 января 1926 г.)

... *Ну, до свиданья, нежняночка. Люблю.* (1 марта 1926 г.)

... *сумасшедший какой я был, думал о тебе, только о тебе, Надик нежняночка...* (9 марта 1926 г.)

... *Надичка, нежняночка, невестушка моя...* (16 марта 1926 г.)

... *Надик, Надик, нежняночка моя оборванная (рукавчики пальто бедные)! Тебе холодно?..* (3 октября 1926 г.)

* * *

О. Мандельштам присутствует и в лирических стихах Р. Сидорова. Проникновенное стихотворение, обращённое к дочери, Руслан назвал «Мандельштамовские вариации» (сборник «Смотритель маяка»). Если сравнить его со стихотворением О. Мандельштама 1920 года, станет ясно, почему Руслан выбрал именно такое название.

О. Мандельштам

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчелы Персефоны.*

*Не отвязать неприкреплённой лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.*

*Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчёлы,
Что умирают, вылетев из улья.*

*Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина – дремучий лес Тайгета,
Их пища – время, медуница, мята.*

*Возьми ж на радость дикий мой подарок –
Невзрачное сухое ожерелье
Из мёртвых пчел, мёд превративших в солнце.*

1920

Р. Сидоров. Мандельштамовские вариации

*Возьми на память из моих ладоней
Вкус родника и запах земляники.
Прими от губ не поцелуй, а слово.*

*От глаз моих закат по-над водою,
Окрашенной нестрашной кошенилью,
Но дважды не войти в неё по новой.*

*Нам остаются только поцелуи
Не в сердце – попрохладнее, повыше;
Бог бережённных нежно нянчит дольше.*

*Опять плыву под парусом Колумба
Иных Америк. Пусть морские выси
С твоей земли – меня напомнят, доча.*

Мне кажется, что руслановское стихотворение надо читать не иначе, как предварительно выучив наизусть творение Мандельштама. Тогда станет ясно, как бережно зыбкую пелопонесскую грусть Руслан перенёс на лесную полянку близ Калачёво. После чего эта мандельштамовская грусть стала родной и понятной и приобрела «вкус родника и запах земляники»...

Судя по всему, это стихотворение было у Руслана одним из любимых. Руслан читал его на мандельштамовском вечере, предварив коротким эмоциональным вступлением:

– Послушайте стихотворение. Мне оно чертовски нравится, я не знаю, почему. Хочу вам ещё одно напомнить: здесь речь идёт о пчёлах. Пчёлы в античной поэзии... – это символ какого-то поэтического творчества. Они не случайно здесь.

Кроме самого стихотворения, Руслан прочитал воспоминания современников о том, как создавалось это произведение:

– И вот комментарий. Послушайте, как это делалось. За 21-й год. Это Дом искусств. Дом искусств, бывший дом Елисеева – это тот самый дом, который Булгаков «продёрнул» в «Мастере и Маргарите»...

«По дому, закинув руки, ходит Осип Мандельштам. Он пишет стихи на людях. Читает строку за строкой днями. Стихи рождаются тяжёлыми. Каждая строка отдельно. И кажется всё это почти шуткой...»

– А вот Ходасевич как вспоминает. Об этом же самом. Вот, позвольте, какая замечательная характеристика Мандельштама. Она противоречива, но мне кажется, очень точна:

«Обиталище Осипа Мандельштама ... представляло собою нечто столь же фантастическое и причудливое, как и он сам, это странное и обаятельное существо, в котором податливость уживалась с упрямством, ум с легкомыслием, замечательные способности с невозможностью сдать хотя бы один университетский экзамен, леность с прилежностью, заставлявшей его буквально месяцами трудиться над одним неудавшимся стихом...»

К мандельштамовскому «Возьми на радость из моих ладоней...» Руслан обратился ещё раз. Строчка из него использована в стихотворении, которое было обнаружено в одной из черновых тетрадей Руслана:

Цитата - ЦМКА
Мандельштам

Засушкой цветов
с письмом в конверте
не получаю. И в старых
манускриптах
не находил.
Тогда я незабудку засушил
и загерметизировал её
в ~~промежутке~~ страничках книжки.
Идут за нами те кто
лучше нас.
«Возьми же на память
директ мой подарок»

Автограф Р. Сидорова

*Цитата – цикада.
Мандельштам*

*Засушенных цветов с письмом в конверте
не получал. И в старых манускриптах
не находил.*

*Тогда я незабудку засушил
и затерял её в страничках книжки.*

Идут за нами те, кто лучше нас.

«Возьми ж на память дикий мой подарок».

Что касается эпиграфа «Цитата – цикада», Руслан, видимо, взял его из другого произведения, а именно – из эссе «Разговор с Данте», написанного в 1933 году и не изданного при жизни О. Мандельштама:

«Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает».

Это замечательное определение цитаты Руслан вспомнил на авторском вечере 26 февраля 2002 года, когда рассуждал о подражании и влиянии одного поэта на творчество другого, о стихах, навеянных прочтением каких-то книг.

– Я вернусь к каким-то цитированиям, ассоциациям. У Мандельштама в прозе, по-моему, о Данте... «Разговор о Данте», у него есть такое замечательное: «Цитата – цикада». В памяти сидит и скворчит. В памяти. «Цитата – цикада». Цикада – она ещё такая цепкая.

Есть такой американец Хэролд Блум. У него книга – новая теория поэзии, «Страх влияния» называется. Он там разработал семь пунктов, которые для каждого поэта, крупного поэта, подразумевается, – он избавляется этими семью шагами от влияния его предшественников.

У Бродского... в эссе: он говорит, что... нет ничего более отрадного, чем цитировать что-то или чувствовать благодетельность влияния. Можете, говорит, передать от меня привет Хэролду Блуму. (Руслан имеет в виду эссе И.А.

Бродского «Примечание к комментарию» – доклад на конференции к столетию Марины Цветаевой – СГ).

И вот мой взгляд на это:

*Подражание – отражение
Преломлённое. Но не больное.
Подражание – продолжение,
Воздаяние и служение
Тем, кого мы любили более,
Чем себя уж во всяком случае.
Ведь цитаты – цикады памяти,
Цепко держащей самое лучшее.
Подражание есть дрожание,
Отголосок, эхо звучащее.
(Притча про зерно). Разве жаль для нас
Учителям? Мы ж учащиеся.*

Как видим, образное мандельштамовское определение «Цитата есть цикада» стало эпиграфом к одному стихотворению Руслана, вошло строчкой в другое, а кроме того, послужило поводом к серьёзному разговору о подражании, влиянии и заимствовании в поэзии.

* * *

Коли речь зашла об эпитафиях, отметим другие случаи использования Русланом мандельштамовских строк в качестве эпитафий к собственным стихам. Так строчкой из стихотворения «Нашедший подкову» Руслан предварил своё стихотворение, насыщенное сравнениями в полном соответствии с эпитафией.

Воздух дрожит от сравнений...

О. Мандельштам

... Только частность правдива.

Не люблю обобщать.

Водка лучше, чем пиво.

Кофе хуже, чем чай.

За себя говорю лишь.

Ты другое скажи.

«Любишь» меньше «Не любишь».

Смерть главнее, чем жизнь.

Если искренни будем,

Каждый скажет своё:

Книга больше, чем люди.

Чай чернее, чем йод.

Рыба старше, чем птица,

Потому и молчит.

Лучше всё же родиться.

День скучнее ночи...

А для стихотворения «Муха в апреле» в качестве эпитафия Руслан взял целую строфу из стихотворения О. Мандельштама «Как тельце маленькое крылышком...» 1923 года.

Муха в апреле

*– Не забывай меня, казни меня,
Но дай мне имя, дай мне имя!
Мне будет легче с ним, пойми меня,
В беременной глубокой сини.*

О.Мандельштам

1

*Сама себе лётчик, сама самолёт,
Муха кружится по комнате.
Апрельской форелью стучится об лёд,
За окнами чуя знакомое*

*В сто тысяч фасеток глядит на меня.
Но форточка не открывается,
И муха кружит, кандалами звеня,
И сердце души надрывается.*

2

*Я «Агния» муху назвал, потому –
Дать имя – задача Адамова –
Домашним животным, живущим в доме,
Ещё – за мольбу мандельштамову.*

3

*И, руки раскинув, кружась и кружа,
Теряя глаголы, причастия,
Желанья и смыслы находит душа,
Вопросы о сущности, в частности:*

*Зачем-то в апреле мне муха дана.
Зачем-то же послана Агния.
«Посланник» – по-гречески «ангел»... Она?!
Кто видел, как выглядят ангелы?!*

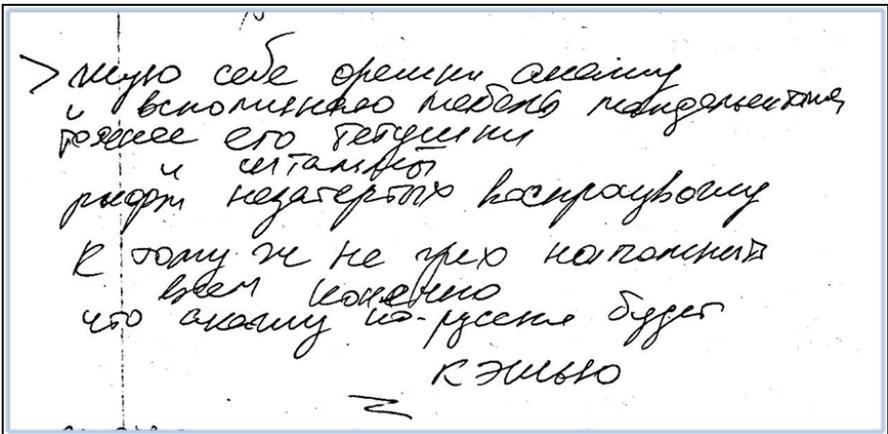
И в этом стихотворении присутствует не только Мандельштам. Строчка «Апрельской форелью стучится об лёд» – это отсылка к названию последнего сборника М. Кузмина «Форель разбивает лёд».

(Существует несколько вариантов этого стихотворения, как опубликованных, так и прочитанных на поэтических вечерах. Здесь приведён вариант, записанный Русланом в тетради с пометкой «Июль 2010»).

* * *

При весьма странных обстоятельствах фамилия Мандельштама возникает в коротком ироничном стихотворении Руслана, написанном в конце декабря 2007 года:

*Жую себе орешки акажу
И вспоминаю мебель Мандельштама,
Точнее, его тётушки. И штаммы
Рифм незатёртых воспроизвожу.
К тому ж не грех напомнить всем, конечно,
Что акажу по-русски будет кешью.*

Автограф Р. Сидорова

Не стихотворение – головоломка! Что связывает орехи, мебель, Мандельштама, тётку, рифмы? Заглянув в словарь или в интернет, можно выяснить, что акажу действительно «по-русски будет кешью». Это разные названия одного и того же орехового дерева. Орешки кешью хороши на вкус, а из древесины делают мебель красного дерева – мебель акажу. В дальнейших попытках разгадать смысл стихотворения можно исследовать родственные связи Осипа Мандельштама, установить имя его тётушки. Скорее всего, это не приблизит нас к цели. Всё прояснится, если прочесть стихотворение О. Мандельштама, написанное в 1920-х годах в шуточном состязании с поэтом Б. Лифшицем:

*Куда как тётушка моя была богата,
Фарфора, серебра изрядная палата,
Безделки разные и мебель акажу,
Людовик, рококо – всего не расскажу...*

Что-то, наконец, становится понятным. Орешки кешью, поглощаемые персонажем руслановского стихотворения, наводят его на целый ряд ассоциативных воспоминаний: кешью – акажу – мебель акажу – строчка из стихотворения О.Мандельштама, где упоминается мебель акажу, – тётушка, которой принадлежит эта мебель. Чтобы разгадать это крохотное стихотворение-шутку, пришлось провести чуть ли не целое исследование.

В предисловии к сборнику стихов Руслана Сидорова «Бегущий навстречу Солнцу» Анастасия Русских писала: «Стихотворение «Из нас собрали батальон» долгое время было в поэтических кругах города чем-то вроде неофициального гимна». Это раннее стихотворение из первого поэтического сборника Руслана «Не именуя». После того, как Валерий Куличенко написал к нему музыку, песня стала весьма популярной в бардовском сообществе и не раз исполнялась на фестивалях авторской песни.

*... И мы заполнили вагон,
И «брехунок» оповестил,
Что поезд на Парнасский фронт
Отходит с третьего пути.*

*Ходили фляжки по рукам,
И пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
Молчал нам о передовой...*

Наверное, совсем не случайно Мандельштам является персонажем этого стихотворения, одним из поэтов-воинов, призванных «на Парнасский фронт» (причём старшим по званию).

* * *

Можно вспомнить известное стихотворение Руслана, из сборника «Второе дыхание», где также не обошлось без упоминания О. Мандельштама:

*В райкоме рая мне сказали: «Встань
На очередь за спецпайком и нимбом», –
И секретарша (ангелица? нимфа?),
Дыша амброзией на треугольный штамп,
Со вкусом припечатала листок...*

– Мне б к Самому...

– А Он на совещанье.

*Я протянул ей зеркальце, духи –
Безделки из архива Мандельштама.
Но – не взяла. А, улыбнувшись, встала
И прошептала: «Только за стихи...»*

Обратим внимание на подарки, которые герой стихотворения пытается вручить райской секретарше: «... зеркальце, духи – безделки из архива Мандельштама». Думаю, что на выбор именно таких подарков «повлиял» не кто иной, как сам Осип Мандельштам. Это станет очевидным, если привести его стихотворение из миниатюрного цикла «Летейские стихи»:

*Когда Психея-жизнь спускается к теням
В полупрозрачный лес, вослед за Персефоной,
Слепая ласточка бросается к ногам
С стигийской нежностью и веткою зелёной.*

*Навстречу беженке спешит толпа теней,
Товарку новую встречая причитаньем,
И руки слабые ломают перед ней
С недоумением и робким упованьем.*

*Кто держит зеркальце, кто баночку духов, –
Душа ведь женщина, ей нравятся безделки,*

*И лес безлиственный прозрачных голосов
Сухие жалобы кропят, как дождик мелкий.*

*И в нежной сутолке не зная, что начать,
Душа не узнаёт прозрачные дубравы,
Дохнет на зеркало и медлит передать
Лепёшку медную с туманной переправы.*

Как видим, зеркальце и духи «перекочевали» из мандельштамовского стихотворения в руслановское.

Создавая «В райкоме рая...», Руслан, видимо, держал в уме «Когда Психея-жизнь...». У Мандельштама взяты место действия (потусторонний мир) и, так сказать, ассортимент «безделок» для презента (зеркальце, духи). У Мандельштама подземный мир слегка «осовременен», но в целом описан в соответствии с его эллинистическим мировоззрением. В полном иронии стихотворении Руслана рай подчёркнуто бытовой, наполненный будничными приметами какой-то бюрократической конторы: очередь, секретарша, документы, совещание. Но главное – стихотворение, если говорить очень упрощённо, имеет вполне ясную цель: в иронично-гротесковой форме сообщить всем нам, что поэзия вездесуща и живёт не только в нашем, но и в ином мире.

Можно привести ещё ряд стихотворений Руслана Сидорова, где упоминается фамилия, имя и даже отчество О.Э. Мандельштама:

*...Если ты знаешь, как Бродского звать,
И с Мандельштамом знаком,
Приходи ко мне вечером,
Будем читать
Вслух и громко, легко...*

(«Если ты умеешь пить водку...»)

*...Бедный Йорик, и Осип, Иосиф –
все умели смеяться сквозь «Плохо»...*

(«Изо всех чувств наиболее острым...»)

*...Но когда биографии... Осип Эмильевич
Или Марина Ивановна,
То Грехов Непрощения – как милости,
Заходите в дом, гости званые...
(«Не знаком ни с Господином Гневом...»)*

* * *

Мандельштам остался в задуманных, но не написанных стихах Р. Сидорова. В одной из записных книжек Руслана есть черновой набросок, в котором встречается лирическое упоминание о Мандельштаме. Этот набросок, состоящий по большей части из перечёркнутых строк, можно отнести к неосуществлённым замыслам Руслана:

*... Скрипка Бетховена. Клавиш его
лучшее скерцо.
И Мандельштама стихи. Вот и всё.
Тихо. Лишь сердце...*

А вот стихотворение, которое хотелось бы рассмотреть более внимательно:

*Ах, зачем слишком громко стрекозы шуршат в камышах.
Мандельштам про стрекоз рассказал – испугалась душа.
Лучше, твёрдых кузнечиков стрёкот слышав, узнать,
Что ещё засидишься не раз у реки допоздна.
Лучше листьев травы только ласточки и небеса
Научают живых неживых различать голоса.
Приучают в молчании слышать неслышимость лишь
Потаённых небес и сердечную здешность земли.*

Слова «Мандельштам про стрекоз рассказал...», судя по всему, говорят о том, что стихотворение создано после прочтения каких-то мандельштамовских строк. Можно попытаться найти их, хотя стихов, где упоминаются стрекозы, у Мандельштама немало. Как сказал Руслан на вечере, «*стрекозы у Мандельштама – они проходят через всю его поэзию*». Вот несколько фрагментов из разных стихотворений:

*... И, если в ледяных алмазах
Струится вечности мороз,
Здесь – трепетание стрекоз
Быстроживущих, синеглазых.*
1910

*Стрекозы быстрыми кругами
Тревожат чёрный блеск пруда,
И вздрагивает, тростниками
Чуть окаймлённая, вода...*
1911

*... Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звёзд булавки золотые,
Но никакие звёзды не убьют
Морской воды тяжёлый изумруд.*
1916

*... Стрекозы вьются в синеве,
И ласточкой кружится мода...*
1920

*Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь почему!
Веневитинову – розу.
Ну, а перстень – никому...*
1932

Скорее всего, непосредственным толчком для создания руслановского стихотворения послужил один из стихов, написанных О. Мандельштамом 10 января 1934 года на смерть Андрея Белого:

*... Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мёртвого жирные карандаши...*

На такую мысль наводят схожая интонация, смежная рифмовка, один и тот же размер, каким написаны оба стихотворения, упоминание камышей, как места обитания стрекоз. Есть ещё интересное, хотя и косвенное, подтверждение. Приведём строфу из стихотворения О. Мандельштама:

*... Как снежок на Москве заводил кавардак гоголёк
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...*

Обратим внимание на связку антонимов: «непонятен-понятен». Можно сделать осторожное предположение: увидев этот

художественный приём, Руслан в своём стихотворении также мог использовать пары слов с противоположным значением: «живых неживых» и «слышать неслышимость».

Имя Мандельштама можно увидеть в отрывочных записях-размышлениях, которые нередко встречаются среди стихов в черновиках Руслана.

О...а тебе не говорила, что я «люблю» Мандельштама? Знаешь, за что? А вот послушай.

«С миром державным я был лишь ребячески связан...»

*«Я буду метаться по табору улицы чёрной
за веткой черёмухи в чёрной рессорной карете...»*

*«...Когда подумаешь, чем связан с миром,
то сам себе не веришь: ерунда!*

*Полночный ключик от чужой квартиры,
да гривенник серебряный в кармане...»*

Отдельные строки, из разных вещей, но мне кажется: вполне достойно, чтобы понять его и мою привязанность (сочувствие, со-чувствие!) к его стихам.

* * *

Тем, кто ещё сомневается в самом почтительном отношении Руслана Сидорова к творчеству Осипа Мандельштама, можно прочесть стихотворение «Нельзя сказать, что я был нелюдим...» Перечисляя любимых поэтов и писателей и называя их своими друзьями, Руслан в этом стихотворении первым называет «Иосифа Мандельштама»:

*Нельзя сказать, что я был нелюдим.
Напротив, я общался ежедневно
Со многими хорошими людьми:
Мне другом был Иосиф Мандельштам,
Иосиф Бродский и Андрей Платонов.
И женщины, которых никогда
Не разлюбить: Марина, Анна, Юнна.
А сколько иностранцев... Так что я
Имел весьма широкий круг общения.
Нельзя сказать, что я был нелюдим.*

Из всего изложенного видно, насколько глубоко Руслан знал жизнь, творчество, мировоззрение Осипа Эмильевича Мандельштама. Его влияние, как мы видим, можно обнаружить во многих, особенно ранних, стихах Руслана. Для последнего примера приведём два ранних произведения: стихотворение Осипа Мандельштама, которое было прочитано Русланом на поэтическом вечере («Мне чертовски нравится это стихотворение!», – сказал о нём Руслан), и стихотворение самого Руслана Сидорова.

Осип Мандельштам

*Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой – сладкое лекарство!*

*Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.*

*Немного красного вина,
Немного солнечного мая –
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.*

1909

Руслан Сидоров

*Из свежесвыжатого льда
Потоком золотых алмазов
Жестко мягкая вода
Впивается в хрусталик глаза
Острослепительно, и ты,
Прищурившись навстречу ветру
Из полусферы пустоты,
Наполненной клубами света,
Услышишь вдруг заочных птиц
И шаг весны на мягких лапах.
Февраль, но мартовский мотив.
Достать чернил. Не надо плакать.*

Здесь, что называется, невооружённым глазом видна удивительная схожесть этих двух лирических натюрмортов! Схожесть настроений, интонаций, схожесть ритма, размера, сочетания мужских и женских рифм, схожесть в наполненности обоих стихотворений истомой, солнечными бликами, музыкой. Почти уверен, что Руслан писал под влиянием мандельштамовского творения. И отзвуки Б.Л. Пастернака в последних строчках отнюдь не отменяют присутствия в нём О.Э. Мандельштама.

* * *

Осип Мандельштам и Руслан Сидоров. Некоторую схожесть можно увидеть и в судьбах двух поэтов. Оба не дожили до пятидесяти. Поэзия была главным их делом, а жизненными спутниками были неприкаянность, безбытность, неприспособленность к так называемой «нормальной» жизни, равнодушие к жизненным удобствам и комфорту. Рядом с поэзией всё это было неважным.

В предлагаемых заметках были приведены как уже известные читателям, напечатанные в различных изданиях стихи Руслана, так и ранее неизвестные, найденные в черновиках и видеозаписях уже после его гибели. Наверное, при дальнейшем изучении литературного наследия Руслана Сидорова обнаружатся и другие «следы» О.Э. Мандельштама. Но и всё сказанное уже позволяет судить, какую важную роль играл Осип Мандельштам в поэтической жизни Руслана Сидорова. Руслан знал и читал наизусть множество стихов Мандельштама, в том числе малоизвестных или не печатавшихся при жизни. Он перечитал прозу и письма Мандельштама, статьи о его творчестве, воспоминания современников. Он мог анализировать стихи и обсуждать особо понравившиеся строки. Одной из «точек соприкосновения» О. Мандельштама и Р. Сидорова был, несомненно, эллинизм. Руслан хорошо знал античную литературу, мифологию, философию.

Иногда я думаю: если бы на поэтическом пути Руслана не встретился Иосиф Бродский, то Осип Мандельштам вполне мог бы стать любимым поэтом и властителем его дум. Впрочем, условность такого предположения очевидна. Если бы на поэтическом пути Руслана не встретился Иосиф Бродский, он не стал бы поэтом Русланом Сидоровым, которого мы знаем.

В заключение мне хочется повторить то, что я говорил не раз, в чём уверен и сегодня: творчество большого самобытного поэта Руслана Сидорова, требует серьёзного литературоведческого изучения. Это касается самых разных аспектов его поэзии, в том числе и влияния на неё О.Э.Мандельштама.

Стихи, упомянутые в тексте

Борис Чичибабин

* * *

Когда взыграют надо мной
весны трагические трубы,
мне вслед за ними поутру бы
и только при смерти домой.
Как страшно спать под мёртвой кровлей,
а не под ласковой листвой,
и жить не мудростью людской,
а счастья суетною ловлей.
Но держат шоры грошовые,
служебно-паспортный режим,
чтоб я остался недвижим
и все мы были неживые.
Вот почему, как в жар дождя,
как ждут амнистии под стражей,
я жду шагов твоих с утра уже,
до крика к вечеру дойдя.
Своё дневное отработав
заради скудного куска,
мы – должники твои, тоска
пустынных лестничных пролётов.
Но уведи меня туда,
где мир могуч, а травы пряны,
где наши ноющие раны
омоет нежная вода.

Там ряска сеется на заводь
сквозь огневое решето,
и мы возьмём с собой лишь то,
что и в раю нельзя оставить.
Из всей древесности каштан
достоин тысячи поклонов,
а из прозаиков – Платонов,
а из поэтов – Мандельштам.
Там дышит хмель и каплет сок,
и, трав телесностью наполняясь,
ты в них вдохнёшь свою духовность
и станешь лёгкой, как цветок.
Там всё свежо и озарённо
и ничему запрета нет
навечному с детских лет
новеллами Декамерона.
Там всё, что лесом прожито,
хранит малюсенький кустарник,
он не слышал стихов бездарных
и разговоров ни про что.
Там пир всемирного братанья,
и только люди – без корней.
Так уведи меня скорей
туда, где всё – добро и тайна.

1968

Осип Мандельштам

* * *

В Петербурге мы сойдёмся снова,
Словно солнце мы похоронили в нём,
И блаженное, бессмысленное слово
В первый раз произнесём.
В чёрном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты,
Всё поют блаженных жён родные очи,
Всё цветут бессмертные цветы.

Дикой кошкой горбится столица,
На мосту патруль стоит,
Только злой мотор во мгле промчится
И кукушкой прокричит.
Мне не надо пропуска ночного,
Часовых я не боюсь:
За блаженное, бессмысленное слово
Я в ночь советской помолюсь.

Слышу лёгкий театральный шорох
И девическое «ах» –
И бессмертных роз огромный ворох
У Киприды на руках.
У костра мы греемся от скуки,
Может быть, века пройдут,
И блаженных жён родные руки
Лёгкий пепел соберут.

Где-то грядки красные партера,
Пышно взбиты шифоньерки лож,
Заводная кукла офицера –
Не для чёрных душ и низменных святош...

Что ж, гаси, пожалуй, наши свечи
В чёрном бархате всемирной пустоты.
Всё поют блаженных жён крутые плечи,
А ночного солнца не заметишь ты.

25 ноября 1920

* * *

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг мне был недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался плыть, и плавал по дуге
Неначинающихся путешествий.

Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых ещё воронежских холмов
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

18 января 1937

Ленинград

Я вернулся в мой город, знакомый до слёз,
До прожилок, до детских припухлых желёз.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денёк,
Где к зловещему дёгтю подмешан желток.

Петербург! я ещё не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! у меня ещё есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса.

Я на лестнице чёрной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролёт жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных.

1930

* * *

С миром державным я был лишь ребячески связан,
Устриц боялся и на гвардейцев смотрел исподлобья –
И ни крупницей души я ему не обязан,
Как я ни мучил себя по чужому подобию.
С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой
Я не стоял под египетским портиком банка,
И над лимонной Невою под хруст сторублёвый
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.
Чуя грядущие казни, от рёва событий мятежных
Я убежал к nereидам на Чёрное море,
И от красавиц тогдашних – от тех европейнок нежных –
Сколько я принял смущенья, надсады и горя!
Так отчего ж до сих пор этот город довлеет
Мыслям и чувствам моим по старинному праву?
Он от пожаров ещё и морозов наглее –
Самолюбивый, проклятый, пустой, моложавый!
Не потому ль, что я видел на детской картинке
Лэди Годиву с распущенной рыжею гривой,
Я повторяю ещё про себя под сурдинку:
– Лэди Годива, прощай... Я не помню, Годива...

Январь 1931

10 января 1934

Меня преследуют две-три случайных фразы,
Весь день твержу: печаль моя жирна...

О Боже, как жирны и синеглазы
Стрекозы смерти, как лазурь черна.

Где первородство? где счастливая повадка?
Где плавкий ястребок на самом дне очей?
Где вежество? где горькая украдка?
Где ясный стан? где прямизна речей,

Запутанных, как честные зигзаги
У конькобежца в пламень голубой, –
Морозный пух в железной крутят тяге,
С голуботвёрдой чокаясь рекой.

Ему солей трёхъярусных растворы,
И мудрецов германских голоса,
И русских первенцев блистательные споры
Представились в полвека, в полчаса.

И вдруг открылась музыка в засаде,
Уже не хищницей лиясь из-под смычков,
Не ради слуха или неги ради,
Лиясь для мышц и бьющихся висков,

Лиясь для ласковой, только что снятой маски,
Для пальцев гипсовых, не держащих пера,
Для укрупнённых губ, для укреплённой ласки
Крупнозернистого покоя и добра.

Дышали шуб меха, плечо к плечу теснилось,
Кипела киноварь здоровья, кровь и пот –
Сон в оболочке сна, внутри которой снилось
На полшага продвинуться вперёд.

А посреди толпы стоял гравировальщик,
Готовясь перенести на истинную медь
То, что обугливший бумагу рисовальщик
Лишь крохоборствуя успел запечатлеть.

Как будто я повис на собственных ресницах,
И созревающий и тянущийся весь, —
Доколе не сорвусь, разыгрываю в лицах
Единственное, что мы знаем днесь...

16 января 1934

А небо будущим беременно...

Опять войны разноголосица
На древних плоскогорьях мира,
И лопастью пропеллер лоснится,
Как кость точёная тапира.
Крыла и смерти уравнение, —
С алгебраических пирушек
Слетев, он помнит измерение
Других эбеновых игрушек,
Врагиню ночь, рассадник вражеский
Существ коротких ластоногих,
И молодую силу тяжести:
Так начиналась власть немногих...

Итак, готовьтесь жить во времени,
Где нет ни волка, ни тапира,
А небо будущим беременно —
Пшеницей сытого эфира.
А то сегодня победители
Кладбища лета обходили,
Ломали крылья стрекозиные
И молоточками казнили.

Давайте слушать грома проповедь,
Как внуки Себастьяна Баха,
И на востоке и на западе
Органые поставим крылья!

Давайте бросим бури яблоко
На стол пирующим землянам
И на стеклянном блюде облака
Поставим яств посередине.

Давайте всё покроем заново
Камчатной скатертью пространства,
Переговариваясь, радуясь,
Друг другу подавая брашна.
На круговом на мирном судьбище
Зарёю кровь оледенится.
В беременном глубоком будущем
Жужжит большая медуница.

А вам, в безвременьи летающим
Под хлыст войны за власть немногих, –
Хотя бы честь млекопитающих,
Хотя бы совесть ластоногих.
И тем печальнее, тем горше нам,
Что люди-птицы хуже зверя
И что стервятникам и коршунам
Мы поневоле больше верим.
Как шапка холода альпийского,
Из года в год, в жару и лето,
На лбу высоком человечества
Войны холодные-ладони.
А ты, глубокое и сытое,
Забременевшее лазурью,
Как чешуя многоочитое,
И альфа и омега бури;
Тебе – чужое и безбровое,
Из поколенья в поколение, –
Всегда высокое и новое
Передается удивление.   1923

Тётушка и Марат

Куда как тётушка моя была богата.
Фарфора, серебра изрядная палата,
Безделки разные и мебель акажу,
Людовик, рококо – всего не расскажу.

У тётушки моей стоял в гостинном зале
Бетховен гипсовый на лаковом рояле –
У тётушки моей он был в большой чести.
Однажды довелось мне в гости к ней прийти, –

И, гордая собой, упрямая старуха
Перед Бетховеном проговорила глухо:
– Вот, душенька, Марат, работы Мирабо!
– Да что вы, тётушка, не может быть того!

Но старость чёрствая к поправкам глуховата:
– Вот, душенька, портрет известного Марата
Работы, ежели припомню, Мирабо.
– Да что вы, тетенька, не может быть того!

* * *

Голубые глаза и горячая лобная кость –
Мировая манила тебя молодящая злость.

И за то, что тебе суждена была чудная власть,
Положили тебя никогда не судить и не клясть.

На тебя надевали тиару – юрода колпак,
Бирюзовый учитель, мучитель, властитель, дурак!

Как снежок на Москве заводил кавардак гоголёк:
Непонятен-понятен, невнятен, запутан, легок...

Собиратель пространства, экзамены сдавший птенец,
Сочинитель, щеглёнок, студентик, студент, бубенец...

Конькобежец и первенец, веком гонимый взашей
Под морозную пыль образуемых вновь падежей.

Часто пишется казнь, а читается правильно – песнь,
Может быть, простота – уязвимая смертью болезнь?

Прямизна нашей речи не только пугач для детей –
Не бумажные дести, а вести спасают людей.

Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши,
Налетели на мёртвого жирные карандаши.

На коленях держали для славных потомков листы,
Рисовали, просили прощенья у каждой черты.

Меж тобой и страной ледяная рождается связь –
Так лежи, молодежь и лежи, бесконечно прямясь.

Да не спросят тебя молодые, грядущие те,
Каково тебе там в пустоте, в чистоте, сироте...

10 января 1934

Руслан Сидоров

* * *

Я вернулся в мой город из чёрной тайги,
Из колючих объятий бабы-яги.
Где за сопку цепляются облака
И мошка заползает в рукав.

Там под дружной пилой падает кедр,
Там вгрызается драга в золото недр,
И по берегу резвистых искристых рек
Не варяг, не грек – бесконвойный зек.

Видел рысь на тропе, белку в дупле.
Зеки мне приносили горячий хлеб.
И кедровой поленницы банный жар
Льдом седого ручья остужал.

Что до ручьёв, то они ничьи,
Харьюзовый хвост поперёк струи,
Отражённое небо оживлено
В них каменистым дном

И петляньем воды, а вода – мягка,
И подолгу смывает мыло рука.
Изумрудно-янтарный варил я чай,
Вскипятив серебро ключа.

Я был счастлив там. Я был часть бытия.
Я пытал Патанджали под шум ручья.
Глядя в пламя костра, просыпалась во мне
Память Юнга, что жизни длинней.

Жизнь таит в себе смерть, точно рыбу вода.
Там струится змея по медвежьим следам,
И, считая курумник в холодных белках,
Растворяешься в облаках

И... Оставшись живым, вспоминаешь потом,
Как хрустит под незримой ногой сухостой,
Понимаешь, питая огонь до утра,
Зороастр был прав.

Песенка спившегося учителя пения

Уехать бы в края –
куда зимует лето,
и с морем на паях
петь и писать куплеты.

Уехать бы в края
без морока морозов,
где чёрным муравьям
не бьют челом стрекозы,

В перекасти-поля, –
(обрывистость, безбрежность),
где полон светлый пляж
европеянок нежных.

Но сказано – горбы
одни гробы излечат,
а море от Судьбы
не помогает. Нечем...

Не перебить хребет
тиранозавра Рока.
Проштрафился, плебей? –
хлебай, штрафная рота!

Но ласточек люби
и кротость незабудок;
а море – может быть! –
когда-нибудь да будет.

И Эсмеральды нить,
и Ариадны школьниц...
Ну всё, пора звонить.
Пора на колокольню.

* * *

1.

Дождь над палаткой. День
Короток и уплыл.
Это Алтай, и здесь
Осень и иже с мы.

Дождь. Поллитровка. Кот.
Печка. Пшено. Дрова.
Этакий натюрморт
Я сжива срисовал.

Кружка. Чифирный чай,
Ибо отобран спирт.
Лампочка Ильича,
Что не закопан, спит.

Осень. Алтай. Сентябрь.
Горы вокруг, бо горист.
И разноцветный табор
Листьев вокруг царит.

Тяжек короткий день.
Дождь. Бодун. Неуют.
Жёлтый лист по воде
Жёлтой плывёт на юг.

2.

Понедельник. Сентябрь.

Скоро выпадет снег.

Мой подельник котяра

Вымурлычет во сне

Натюрморт неуютюта.

Холод. Сырость. Бодун.

С опохмельным салютом

Горняки не идут.

Что им там, на канаве

В дождь, в обнимку с кайлом?

Эх, Данилыч, каналья,

Спирт забрать запаadlo.

Ладно, поближе к теме,

К телу; ватник надеть.

Жёлтые хризантемы

Листьев в жёлтой воде.

Жёлтые пупырышки

В лужах, жёлтых до дна.

Жёлтый, а также рыжий

Лист и сжелта волна.

3.

Чтобы вернуться вспять,

Нужен синюшный спирт.

Это победа, Пирр?

Это беды не спят.

Это промозглый дождь

По венозным мозгам.

Осень – промоушен; зга.

Зги промоушен дом

Далеко-далеко.
Чтобы вернуться вспять,
Нужен октябрь, опять
Же спирт, а не молоко,
И не чифирный чай.
Спирт, что отобран, – есть.
Есть у Данилыча,
Но лучше бы был он здесь.

Спирт не похож на спорт
Так же, как мор на мир.
Если я жив до сих пор,
Значит, налил для лир.

И, не имея лар,
Фунтов стерлингов, лир,
Я находил Икстлан
В Петушках у земли*.

Сколько я перечитал,
Столько же пережил.
Так закалялась сталь.
Так и тмин был зашит.

Так и жил, не зажат
Домом, модой, судьбой.
Спирт – конечно же, ржа,
Но ведь всё на убой

В этой жизни. Словам
Лишь цвести после нас,
Коль душа в них жива,
Коли ими полна.

---

* Икстлан. «Путешествие в Икстлан» – книга К.Кастанеды.
«Икстлан – Петушки» – эссе В.Пелевина.

Дождь идёт. Горняки
Не идут. Западло.
Где вы там, «синяки»?
Одному тяжело
Воевать с бодуном,
Вместе как-то ловчей.
Потому что одно
Горе – дождь, и зачем
Горняки не идут?
Что им там, на горе
В дождь, в похмельном бреду,
С бодуна, в сентябре?
Золото что ли рыть?
На фиг, на фиг оно?
Я один вне игры
На один с бодуном.
То ли печь затопить?
То ли в баню сходить?
Если б было, что пить,
Я бы песню родил.
Ну, а так – ничего:
Не живой и не мёртв.
Я один с головой
Забубённой замёрз,
С окаянной моей,
Тет-а-тет с бодуном.
И не истины ей,
А того, что над дном
Ныне хочется. Да!
Такова селяви,

По которой: страдай,
Но, коль дар дан, – живи
Как-нибудь, вопреки
Всем прогнозам реки.

* * *

Ну значит, так: шинкуем лук, морковь
и пять минут обжариваем в масле
растительном; теперь неси кастрюлю,
там шампиньоны. Я помыл, порезал,
вываливай их к луку, с горкой сыпь.
Они ужарятся, мы крышкой их придавим.
Убавь на «единичку», пусть они
с полчаса побулькают, а мы –
айда копать картошку молодую...
...Ты, если клубень ростом не с яйцо,
разрежь напополам, не надо мельче.
Что? Чистить? Кто ж её такую,
такую девочку, нежнянку – да ты что?
Не надо чистить – вымыл и бросай.
Теперь смотри – бульона маловато.
Конечно, можно доливать водой,
но я скажу – вкуснее простоквашей.
Вот так. Ну а теперь уже соли.
Минут пятнадцать – будет всё готово,
а мы с тобой опять на огород.
Нарвём петрушки, а вот у укропа
возьмём уже корзинки – семена,
они укропным маслом отдарятся.

.....

Потыкай-ка картошечку... ну как?
Готово? Всё. Укроп, петрушка, перец,

лаврушка. Так. Перемешай и выключай.
Вот. Сверху крышка и – под полотенце.
Пусть потомится. Ну, а мы пока
молочный чесночок с тобой почистим
и чёрный хлеб порежем покрупней.
Хорош. Бери с собою сковородку.
Пошли со мной; в саду, под клёном – стол.
Сегодня ветерок – мошки немного,
не баре – вместо скатерти – газета.
Ах да, чуть не забыл. Сходи-ка в сенки,
возьми в ведре под деревянной крышкой
мочёных огурцов. Неси сюда.
А! за прозрачной щас слетаю в погреб.
Ну всё. Давай. Поехали.

.....

Ну как? Во-о-от!

А то все – Ницца, Рио-де-Жанейро...

* * *

Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон* –
Таких давно уже не шьют.

Мы прошагали на перрон,
Оркестр сыграл нам бодрый туш,
И юный ротмистр Бальмонт
Нёс романтическую чушь.

И мы заполнили вагон,
И «брехунок» оповестил,
Что поезд на Парнасский фронт
Отходит с третьего пути.

Ходили фляжки по рукам,
И пахло в тамбуре травой.
Седой полковник Мандельштам
Молчал нам о передовой...

Прошли года, а не война,
Кто вышел в чине, кто погиб,
А кто сказал – анахмнена, –
И от своих побёг к другим.

Передовая, тишина...
Парнасский фронт ночами тих,
И поседевший старшина
В хрущёвке тесной пишет стих.

Он собирает свой призыв
В опавших памяти листах.
Не удержав хмельной слезы,
Он составляет строфу так:

«Из нас собрали батальон,
Мне дали старый «ундервуд»,
Шинель без розовых погон* –
Таких давно уже не шьют...»

* * *

Изо всех чувств наиболее острым
остаётся – по имени – юмор.
Не потерян, – а значит, не умер.
Не вполне полноценная особь
человечна, покуда смеётся
над собою беззлобно, бесслётно.

---

* Существует другой вариант этой строки, найденный в одной из ранних черновых тетрадей Руслана: «Шинель без ромбов и погон...»

Воды заперты – Jia! Water closed.
Бедный Йорик; и Осип; Иосиф –
все умели смеяться сквозь «Плохо» –
горько, весело (лучше второе).
Не стихи – тема автопародий.
Улыбайся, небедный мой клоун!
Ибо Бог, создавая сей мир,
хохотал от души, чёрт возьми!

* * *

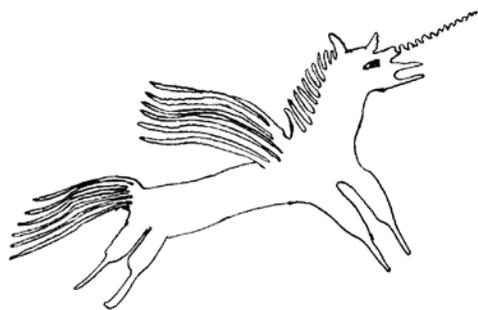
Не знаком ни с Господином Гневом,
Ни с Её Величеством Ненавистью.
В жизни личной – с овчинку небо,
Где места нету им.
Но когда биографии... Осип Эмильевич
Или Марина Ивановна,
То Грехов Непрощения – как милости,
Заходите в дом, гости званые.
То не кошки скребут – это тигры рвут.
За себя скажу: покуда живу,
Никто не умрёт – биографии врут.
Так что жизнь, мой друг,
Не напрасный труд.

На первой странице обложки – рисунок В. А. Милашевского.

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»